

ВАРВАРА ЖДАНОВА

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА

Павел Басинский “Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина”. — М.: Вагриус, 2008; **Илья Бояшов** “Танкист, или “Белый тигр””: Роман. — Спб.: Лимбус Пресс, ООО “Издательство К. Тублина”, 2008; **Александр Иличевский** “Пение известняка”: Рассказы и повесть. — М.: Время, 2008; **Владимир Костин** “Годовые кольца”: Повести и рассказы. — Томск: ОАО Издательство “Красное знамя”, 2008; **Владимир Шаров** “Будьте как дети”: Роман. — М.: Вагриус, 2008.

Издания — финалисты Национальной литературной премии “Большая книга” (2008 год).

*Поднял я тогда с земли камень,
сунул в карман и думаю: “Ну, погоди,
проклятый Санька. Это тебе не Гер-
мания. С твоим-то фашизмом мы и
сами справимся”.*

А. Гайдар “Голубая чашка”

“Чуден Днепр при тихой погоде”, — когда-то заметил Н. В. Гоголь, описав далее природу со свойственной ему легкостью пера. С тех пор мастерство русских писателей окрепло и упрочилось, в чём легко убедиться, заглянув в нарядно оформленную книжку современного литератора:

“Теперь на реке мне покойно, и взор обращён напротив к верховью, к пониманию того, что река и года, и тысячелетия прежде так же текла в ровном бесчувствии, постигая забвение от края до края...” (Александр Иличевский. “Пение известняка”, рассказ “Старик”.)

Как будто не совсем грамотно. Пожалуй, редактор советских времён и не пропустил бы такое “проявление индивидуального стиля”.

Из той же книги:

“В одном из мест я вышел на поляну, заросшую маками. Пространство пылало вокруг от этих нежных, уже отцветающих растений”. (Рассказ “Горло Ушулука”.)

“Аркадий, не говори красиво”, — предостерегал своего друга Базаров. А проза современного литератора пестреет яркими красками, как прилавок на барахолке.

В названных книгах преуспевающих нынешних писателей находим отсылки, декларирующие якобы преемственность по отношению к русской классической литературе.

Между тем свойство творчества современных авторов, которое можно назвать “принципиальной дегуманизацией”, означает потерю всякой сущностной связи с наследием классики.

Одушевлённый вещный чувственный мир агрессивно вытесняется фиктивной страшновато-весёленькой “реальностью”.

Полнокровные человеческие образы подменяются условными фигурами, абстрактными единицами, не действующими, а, скорее, кривляющимися по авторской прихоти.

В авантюрном романе Павла Басинского обнаруживаются обрывочные нити сюжета, масса непрописанных характеров, аляповатые стилизации под классику. Грубо заявляет о себе кровавый детектив, а шутки вызывают почему-то томительную скуку.

При этом “Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина” – произведение, почти неуязвимое для серьёзных критических претензий. Вряд ли автор замахивался на шедевр. Этот роман – литературный продукт, сработанный профессионалом на продажу. Всё подчищено, гладко, легко и бессмысленно, как болтовня. Физиономию писателя не разглядишь. Автор абстрагируется от своего творения и одновременно отстраняется от развращённого и развращаемого читателя.

“Роман требует болтовни”, – шутил Пушкин о “Евгении Онегине”. Сегодня болтовня заявляет своё требование считаться искусством, мимикрирует под роман.

Автор ловко “расфасовывает” по разным главам действие своего романа. Но там, где описываются целые, не осколочные картины, сразу заметна слабость: характеры, которых не бывает, движения, которым не веришь, неправдоподобие ситуаций.

Насквозь выдуманном выглядит вечер молодых постмодернистов, с тонкопровокационными, как считает автор, а на самом деле скучно-утомительными воплями о ниспровержении классицизма. Небольшая вставная новелла, заявленная как имитация Достоевского, на самом деле отдаёт вычурной фантастикой. Тут автору откровенно изменил вкус.

Концовка романа намеренно ироническая: Джон Половинкин становится совсем русским с другим русским именем, остается в России, бросает прежние сектантские заблуждения, женится, становится православным священником.

Не так уж важно, хотел ли автор иронически намекнуть на судьбу Пьера Безухова, чьи масонские умонастроения развеялись под воздействием простой жизни среди народа и нашедшего счастье в семейной жизни; намекает ли автор на тургеневские корни в образе Аси, невесты героя – он лишь пробегает по поверхности, захватывая верхи жизни, не заглядывая в глубину.

Характеры героев романа – это, на самом деле, не характеры в их жизненной полноте. Это – имидж, умело подновленный и отреставрированный. Таковы, например, образы милиционеров, образы писателей из богемы. Такие милиционеры, из старого анекдота, у всех на языке.

Профессор русской литературы Барский – пожилой плейбой и кутила – это не сам профессор, а представление о нём. Тиражируемый образ успешного научного работника, нашедшего своё место в современной действительности.

Образ главного героя, русского американца Джона Половинкина, расплывчат и пуст. Отчетливой характеристики героя нет.

Невеста Джона – Ася. Этакая бойкая и нежная современная девочка. По идее автора. Но читаешь – и так и видится публичная девка, которую мудрый сутенер уверил, что ей идёт притвориться наивной и трогательной.

Всё это обличья, а не лица. В “Сорочинской ярмарке” Гоголя нечистая сила заявляет о себе неожиданно и нагло: “...Страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: “А что вы тут делаете, добрые люди?” Нынешняя действительность выпирает огромной свиной мордой тупо и злобно, а современный писатель придает этой морде выражение значительности и шутливости.

Роману Павла Басинского предпослан эпиграф из пушкинской “Пиковой дамы”: Томский говорит с бабушкой-графиней о книгах, о “русских романах”. Эпиграф подобран вроде бы умело: с целью придания энергетического заряда книге. Но отсылка к “Пиковой даме” – чистая формальность.

“Пиковая дама” – опорное произведение для многих поколений русских писателей в обосновании темы нестяжательства. Идеология сегодняшней культуры враждебна идеям “Пиковой дамы”. В сознании Германна игра вытесняет живую жизнь и любовь Лизы, погоня за богатством приводит его к ка-

тастрофе. Современный писатель-профессионал, благоразумно желая преуспеть, напротив, только и должен толковать читателю: деньги и игра, игра и деньги...

Эпиграф из “Мастера и Маргариты” предпослал своему роману “Танкист, или “Белый Тигр” Илья Бояшов. Воланд софистически рассуждает о свете и тени. Но опять же полусказочное зло, романтическая любовь, дарованный в награду Дом – мало интересуют современного писателя. Ему только хочется намекнуть, что зло – обаятельно и правдиво, перенять некоторые стилистические приёмы.

Действие романа Ильи Бояшова происходит в годы Великой Отечественной войны. Написать исторический роман – весьма сложная задача, даже для человека, отлично знающего эпоху. Современный писатель обходит эту задачу с лёгкостью: он набрасывает абстрактные декорации, как в компьютерной игре, и играет себе “в войнушку”.

Ни малейшей доли патриотизма нет в этой книге. Страх, боли, героизма прошлого будто вовсе и не существовало для автора. Он начинает с чистого листа, у него нет исторической памяти.

Надо отдать должное: начало романа, где явлен главный герой, – яркое, с ёмкой ритмической структурой. Автор показал умение использовать метафоры (подчас вспоминается метафоризм прозы Ю. Олеши).

Но это – единственное достоинство книги. Кульминации нет. Следует ряд осколочных сцен, необязательных описаний, отдельных деталей – и действие торопливо оборвано в финале. Роман, по совести говоря, оказывается не написанным, не состоявшимся. Это, скорее, заявка на роман, эскиз глав, набросок сюжета.

Трудно определить момент, когда повествование безнадежно разваливается. Может быть, это эпизоды вторжения в Германию.

Кажется, автор, заигравшись и забывшись в своих фантазиях, не понимает всего масштаба клеветы, возводимой им на советские войска, которые якобы, как полчища варваров, заполонили Германию в конце войны.

“Комом слипались за “Т-34” раздавленные лошади, фолькштурмовцы и младенцы”.

“Оставляя пятна на месте детских колясок”, “перемалывая” “обезумевших женщин и детей”, советские танкисты врываются в чистенькие тихие городки, мародёрствуют и творят повательные насилия (это подаётся с разухабистым юмором).

“Стонал за ними ещё один изнасилованный городок – ни в чём не повинный средневековый Цорбен. Пожары врываются в окна, а из окон навстречу огню летели шкафы, стулья и зеркала: буйствовала в залах и комнатах каждого дома, истребляя чужой ненавистный уклад, свирепая русская пехота”.

“Женщины потрошили ими, как куры”. В огромном количестве запасаются награбленное добро.

Показывая, как начальство (почти безуспешно) пыталось справиться с разбоем, или осторожно указывая в комментариях, что разбоем занимались, в основном, разложившиеся тыловые части, автор, в сущности, ничего не меняет, нарисованные клеветнические картины не тускнеют. А мародёрство описывается так:

“Специальными тросами крепились мешки с самым разнообразным имуществом, включая мыло, консервы, рулоны ситца, сапоги, ботинки, женские чулки и даже реквизированную пару соломенных шляпок с кокетливыми розочками. Кончилось тем, что вся эта гора, облепившая танк со всех сторон, стала мешать повороту башни”. И далее: “...Количество рассованного по противогазным сумкам золотишка приближалось чуть ли не к килограмму”.

Мародёрствующие советские солдаты напоминают отступающее наполеоновское войско в изображении Л. Н. Толстого в “Войне и мире”. Вот здесь, может быть, имеет место невольная, мертвенно искажённая реминисценция образного строя классического произведения.

Склонность к героизму, тяготение к подвигу, неудержимое преодоление препятствий... Всё это стремится спародировать Илья Бояшов в своём романе. К чему? – как бы говорит автор. Лучше прикопать деньжонок и похвастаться перед соседом новеньким автомобилем. Подвигу нет места в современной действительности. Что же делать герою? Разве купить “Запорожец” и протаранить чей-нибудь лимузин.

И показательно, что в книге о Великой Отечественной войне Ильи Бояшова советский солдат и фашист могут, в принципе, даже поменяться местами. “Ты за ту команду болеешь или – за эту?” Автор не спешит определить фашизм, как мировое зло. Этот идейный аспект затушёвывается.

Не следуя совету Булгакова, что героев своих надо любить, Илья Бояшов не любит персонажа своего романа – сумасшедшего русского танкиста, потерявшего память. Он его презирает.

Автор сравнивает своего героя с Башмачкиным из “Шинели” Гоголя. Почвы для сравнения нет: Гоголь бесконечно сочувствует своему “маленькому человеку”, любит и понимает его.

Роман “Танкист, или “Белый тигр” – вещь неудавшаяся, но созданная, чувствуется, со страстью, упорством, замкнутой сосредоточенностью. Эти качества автора угадываются, они роднят его с персонажем романа. Вопреки стремлению автора подвергнуть в этом образе осмеянию “чуждый элемент”, беспмятный танкист – более всего отражение душевных качеств самого автора, резко и навсегда разорвавшего связи с христианской гуманистической великой культурой.

Идеология романа Ильи Бояшова весьма поверхностна. И он сам как писатель нуждается в том, чтобы выйти за пределы эстетики компьютерной игры с её потусторонней, саморазрушительной, безумной жестокостью.

“Зачем беречь будущее символом опустошения жизни – простором?” – такой риторический, полный меланхолии вопрос обращает к читателю Александр Иличевский – автор книги “Пение известняка” (рассказ “Перстень, мойка, прорва”).

Рассказы, лишённые композиционной основы, рассыпаются на ряд бессмысленных и жестоких картин. В них нет завязки, сюжетного развития, финального аккорда. Увы, автору нечего сказать, да и рассказывать истории он не умеет. Чему бы он ни подражал: медленному и точному языку А. Платонова, романтической отчуждённости лирики Лермонтова, обаятельной мужественной прозе Хэмингуэя – ничего ему не даётся, всё выходит убого, вяло и ужасно смешно. Так, повести “Горло Ушулука” предпослан эпиграф из “Героя нашего времени”. Но герой Иличевского, забредший в какую-то странную местность, где цветут маки и бегают непуганая дичь, являет собой уморительную, невольную со стороны неумелого автора пародию на Мцыри – лермонтовского романтического беглеца.

Между тем из аннотации к книге узнаём, что Александр Иличевский (родившийся в 1970 году) – лауреат премии “Большая Книга” (2006); финалист Бунинской премии 2006 года (серебряная медаль), а также – лауреат премии “Русский Букер” 2007 года за роман “Матисс”.

Ну что ж, как в гоголевском “Портрете”, воскликнем, подчинясь обстоятельству: “Хвала вам, художник! Вы вынули счастливый билет из лотереи”.

Изобилие сцен жестокости и насилия, демонстрация уродств и смертей – всё это находим в сборнике Александра Иличевского. В рассказе “Горло Ушулука” появляется двойник героя, которого тот успешно убивает, утопив в речке. В рассказе “Улыбнись” молодая женщина оказывается в параличе после родов и кончает самоубийством – отравившись. В рассказе “Медленный мальчик” нам демонстрируется ребёнок-даун. В рассказе “Перстень, мойка, прорва” парень скрывает труп красотки, который ему подбросили...

И вершиной творческой мысли автора следует признать сюжет рассказа “Случай Крымского моста”. Повествование ведётся от имени бесплотного духа, летающего меж людей (слава Лермонтова – создателя Демона, как видно, не дает автору покоя). Пьяная драка. Двое хулиганов поздней ночью попадают в метро. Последний поезд. Пустые вагоны, только одна женщина, которая рождает. Она рождает девочку и умирает. Взяв ребенка, один хулиган выходит на улицу, другой погибает в тоннеле. К утру девочка умирает. Держа на руках мёртвое дитя, хулиган заходит в “Детский мир”, покупает ребёнку игрушки, в том числе игрушечный катер. Он кладет ребёнка на катер и сплавляет тельце по Москве-реке. Он стоит на мосту. Бесплотный дух толкает его в грудь, хулиган летит в реку, где и тонет.

Корявая риторика заполняет книгу Александра Иличевского. Сюжеты теряются среди неуклюжих ретроспекций и лирических отступлений. Автор весьма щедро и равномерно сдабривает тексты скабрёзными сценами и описаниями.

В повести “Бутылка” он переходит на фельетонный стиль изложения (затасканный, истощенный, бесцветный язык). Поведение во время пьянки, грязь, глупость, бессмыслица в беспутной голове – вот область смешного, достойная пера автора, счастливо обнаруженная им. Ничего не помню, но веселюсь, а задумываться много нечего – вот мораль повести.

В рассказе “Воробей” автор обращается к временам голода в деревне в 30-е годы. Вроде бы формально обличает “сталинщину”, но циничное лицемерие автора поистине ужасает.

В фельетоне А. Аверченко “Рассказ для “Лягушонка” редактор так критиковал автора: “Милый мой! Если бы существовал специальный журнал для рабочих городской скотобойни – ваш рассказ явился бы лучшим его украшением”. Детальное описание в рассказе Александра Иличевского, как воробью, залетевшему в избу, оторвали голову, как он закатывал глаза и обливался кровью, или упоминание о том, как крестьяне спрятали от начальства тёлку в подполье, а чтобы она не мычала, вырезали ей язык и надрезали губы, – такое чтение, может быть, доставило бы тихую радость заслуженному работнику скотобойни, но читателю, не посвященному в таинства подобных профессий, становится, представьте себе, неприятно и тяжело на душе. И одновременно возникает желание написать донос в Общество защиты животных: уж очень “правдивые” и смачные вышли картины.

Впрочем, думается, именно ощущения тревоги и апатии старается автор вызвать у читателя, разбрасывая в текстах множество таких, например, умозаключений: “Одиночество затягивало как смерть”.

Как будто проза Владимира Костина (сборник “Годовые кольца”) может напомнить о ровном течении слога и скучноватой добротности произведений советских писателей брежневской эпохи. Но язвительно-глумливый взгляд автора – явление современной действительности, времени небывалого торжества обывателя на лавочке у подъезда.

Героям Владимира Костина не суждено совершить взлёт над однообразной повседневностью. Напротив, такой взлёт чреват неприятностями и туманной опасностью. Своим подопечным автор определяет подобающее скромное местечко, и уж с него – ни ногой!

“От первого до последнего класса Вера, пионерка и комсомолка, росла безупречной девочкой. Красивая, опрятная, волевая, отличница, слово у неё никогда не расходилось с делом”.

По этой показательной цитате из повести “Музонька” видно, что автор тяготеет к описаниям скорее масок, а не лиц. Биография человека и биография маски – две разные вещи. Повороты в судьбах героев книги не отличаются правдоподобием, и автор нередко закономерно сбивается на несложный анекдот.

В маленьких рассказах – привычная атрибутика и знакомые чудачества затянувшегося анекдота.

В повестях “Бюст” и “Музонька” автор, наверно, не представляя, как дальше поведут себя персонажи-маски, попросту топит героя первой повести, а Вера – героиня второй повести, заболевает манией преследования.

Неестественность судеб бьёт в глаза, и поэтому сложно сопоставить, как этого, видимо, желает автор, “Музоньку” Веру и чеховскую “Душечку” (героиню одноименного известного рассказа Чехова, которая умела виртуозно проникаться идеями своих избранников). Оживить свою героиню Владимир Костин не в силах.

Композиция – самая уязвимая сторона построения произведений Владимира Костина. Так, распадается повесть “Рожок и платочек”, полифонизм структуры автору не удаётся при всём желании. Повествование ведётся от имени едва ли не десятка действующих лиц. Характеры и манера речи так и остаются неопределёнными.

Неправдоподобна идиллическая до приторности любовь Володи и Ляли, сладенькая, как в дешёвой песне, наскоро сочинённой на погибель дурачков и дуручек.

В этой же повести на финальных страницах, чтобы – на видном месте, находим небольшое историко-социальное исследование морального облика воспитанниц Смольного института (героиня повести – старуха Агафья вспоминает прошлое). Чёрная клевета, наряженная в кукольное платье:

“Нинетта... подвержена была нимфомании, добивалась меня долго и, ко-

нечно, безутешно. Потом она сошлась с одной девочкой-малюточкой, не в ущерб нашей дружбе”.

Вот теперь можете подражать! Изящества-то, изящества... Куда Бунину с его “Легким дыханием”!

Апогей мутного бездумья – рассказ о психологических комплексах цыпленка, съеденного к Новому году, – тоже находим в повести “Рожок и платочек”. Как много наболевшего включил автор в своё произведение!

Повесть “Годовое кольцо” состоит из нескольких самостоятельных частей. Рассказчик вспоминает какие-то эпизоды из жизни, куда-то направляется, слышит чьи-то разговоры. В общем, это неудачный, несложившийся набор лирических отступлений. Определяющей нитью повествования, вопреки воле автора, становится бахвальство тонкостью собственных переживаний.

Не то автор решил “заговорить красиво”, не то поленился перечитать написанное, но в этой повести встречаем множество смешных ляпсусов, неправильностей, псевдопоэтических глупостей:

“Древние слова Начало и Конец – однокоренные, в них жизнь – не сон, в них жизнь есть КОН. Это приговор, зовущий в простор”.

“Передо мной висит в воздухе ветхое, но красивое – барское левое ухо старика”.

“Здесь красные лица напоминают о снегирях. В основном – о пожилых снегирях”.

О прохожих, бегущих в морозную погоду: “...они храпели, как кони, с облезлыми красными мордами”. Осенняя упавшая листва, по мнению автора, пахнет скипидаром.

Повести и рассказы Владимира Костина полны ложной многозначительности и утомляют однообразием. Будто одни и те же лица (даже не лица, а наспех раскрашенные болванки на шарнирах) мелькают перед нами в интерпретации одного сюжета.

Уныло размазывая “опорные” понятия: смерть, болезнь, умерший ребёнок, психбольница – писатель начинает построение “шедевра”. Название романа Владимира Шарова “Будьте как дети” – слова из Евангелия, но произведение, в котором много говорится о православии, вере и христианстве, по меньшей мере, холодно и механически написано, и возможно ли определить миропонимание автора как христианское? Это – не истинная убежденность, а игра и, отчасти, кликушество.

Вялое и аморфное начало (поток сознания, увы, не совсем ясного) как будто не обещает полноценного чтения. Неожиданно к середине книга начинает оформляться если не в роман, то в нечто среднее, средний жанр между романом и унылым эссе.

Ёрничество доминирует в авторской интонации. Лирический герой романа – тяжело больной эпилептик, прошедший курс лечения в психиатрической клинике. Вероятно, эти психологические особенности личности рассказчика должны обусловить заметную сбивчивость, затаенность и смутность повествования.

Так и вспоминается Пушкин:

*Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле...*

Но автор “кружит и кружит” читателя.

Без достаточной убедительности строится биография полубезумного лирического героя.

Особенно странно его назначение по протекции товарища главой областного Комитета образования. Или это шутка в жанре абсурда? Но автору, задумавшему украсить повествование элементами абсурда, не хватает первоизданной живости воображения.

Сколько помнит себя повествователь, с ним рядом была крестная – юркая маленькая женщина. По замыслу автора, она – юродивая. Вспомним традицию изображения юродивых в отечественной литературе: наивного и проницательного Николку в “Борисе Годунове”, грубого и правдивого Гришу в “Детстве” Толстого, кротких бессребренников, привечаемых княжной Марьей в “Войне и мире”...

Юродивая в романе Владимира Шарова – это тип духовной искалеченности, но нравственная сила её личности – вряд ли столь велика, как утвержда-

ет автор. Особенно отталкивающее впечатление производит её грязная брань во время припадков.

Повествователь при рождении окрещён Дмитрием, в честь святого царевича Димитрия. Исторический эпизод убийства маленького царевича пересказывается, вернее, интерпретируется в книге, как идиотический, бессмысленный. Даже не хочется вспоминать о строгой и трагической картине убийства царевича Дмитрия в пушкинском “Борисе Годунове”.

В ткань повествования включена, видимо, абсолютно выдуманная история о маленьком северном народе энцах и его пророке (или лжепророке) некоем Перегудове, история, якобы случившаяся во второй половине XIX – начале XX века. Перегудов в одеянии горца (он служил солдатом на Кавказе) сходит в духовном сражении с энским шаманом... Но автор сочиняет слишком бледно для сказочника, слишком схематично и скучно для социального сатирика.

Ещё более тягостное впечатление производит ироническая, если не глумливая, интерпретация последних лет жизни Ленина. “... Именно Троцкий через профессора Гетье передал, что Ленина хотят отравить, и скорее всего яд будет подсыпан в хинин. И вот в дневнике Крупской читаем, что с лета двадцать третьего года Ленин отказывается принимать любые лекарства, кроме слабительного и йода. [...] Цекисты, конечно, подобрали Ленину врачей на все руки. Они лечили его и были при нём соглядатаями, лечили и травили ядами”.

Ленин на пороге смерти, следуя иронической концепции автора, обращается с молитвами к Богу и мечтает о походе беспризорников в Иерусалим.

Дети в книге – с отклонениями в развитии; похотливые (воспитанники интерната); чудный, болеющий и умирающий ребёнок; замкнутые; отчаянно-восторженные. Все они вспомнятся терпеливым читателем с тяжёлым чувством.

Концовка романа могла быть более интересной, напоминая финал знаменитого фильма Феллини “8 1/2”. Герои повествования, разом появляясь перед глазами лирического героя, шествуют колонной. Но описание вышло надутым и легковесным.

Бездомьем и выморочностью отзывается книга Владимира Шарова. Единственное реальное, осязаемое – мат, слова грязной брани, которой автор “окропляет” своё “православное” повествование.

В романе “Будьте как дети”, как и в книге Ильи Бояшова, есть претензия на подмену в сознании читателя картины отечественной истории пустой забавной картинкой.

“Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя? Приключения ловких плутов, страшные истории о разбойниках, о мертвецах и пр. всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят; а рассказчики и стихотворцы исстари пользовались этой склонностью души нашей”, – читаем в одной из пушкинских критических статей.

Когда писатели прошлого говорили о необходимости развлечь читателя, – они подразумевали: отвлечь его от бытовых дрязг, возвысить душу приобщением к красоте. Развлечь читателя – агрессивно настаивают профессионалы пера славного настоящего – это значит: до отказа набить ему, подлецу, голову чепухой, чтобы и думать больше не мог, а то, глядишь, будет не как все, а нужно, чтобы все были одинаковые. Иначе говоря, читателя оболванивают под видом развлечения. Речь идет о прогрессирующем явлении, прямо противоположном декларируемой демократии.

Кроме того, в современной литературе всюду используется приём, который, без сомнения, с презрением отвергли бы писатели-классики. Это – прямая эксплуатация страхов современного человека. Человек, живущий в мегаполисе, обзаводится разнообразными страхами: страх внезапной болезни и смерти, страхи за близких, страх одиночества, страх безумия и всякие другие мелкие ужасы, которые мог бы смешно олицетворить Метерлинк в “Синей птице”: страх высоты, страх замкнутого пространства... Известно, что человек, у которого шалют нервы, всё воспринимает в ином свете: плохо написанная книга кажется ему значительной, и, вообще, он становится послушен и податлив.

Демократия или нечто, противоположное демократии?

В рассказе Гоголя “Пропавшая грамота” черти крадут у казака грамоту, писанную к царице. Он отыгрывает грамоту в карты и с трудом выбирается из преисподней.

Куда провалилось, каким чертям в лапы попало современное отечественное искусство? Как его отыграть?